

Что бы ни происходило, звонок Цянь Сюя был важнее всего.

— Добрый вечер, господин Цянь.

Услышав бодрый голос Цзинь Цюэ, Цянь Сюй сразу забыл и про усталость после командировки, и про раздражение.

Он потянул за галстук. Когда шея перестала быть стянутой, стало намного легче.

Командировка отличалась от обычной работы в компании, а в этот раз партнёр был особенно важным. Поэтому Цянь Сюй одевался официальнее — так группа Цянь демонстрировала серьёзность намерений.

Вернувшись после делового ужина, он увидел сообщение дяди Чэня и так испугался, что маленькая канарейка могла расстроиться или даже заплакать, что первым делом позвонил Цзинь Цюэ, даже не успев принять душ.

Цянь Сюй усмехнулся над собой. Кто бы мог подумать, что однажды он станет так торопливо звонить человеку просто потому, что волнуется за него. Всё, попался.

По голосу Цзинь Цюэ казалось, что тот по-прежнему полон сил, значит, ничего серьёзного не случилось. Но нельзя было исключать, что он просто старается держаться.

— Добрый вечер. Ты сегодня только переехал. Уже привык?

Цзинь Цюэ послушно ответил:

— Да, всё хорошо. Дядя Чэнь очень обо мне заботится. А вы, господин, весь день были заняты — наверняка очень устали?

— Я привык.

Как бы не так! Ни к чему он не привык. Кто вообще захочет уезжать в командировку в первый же день после того, как любимый человек переехал в твой дом?!

Цянь Сюй сказал так только потому, что не хотел показаться Цзинь Цюэ слишком несерьёзным.

— После переезда на виллу нет ничего, что тебе не нравится? Еда, одежда, комната, вещи, прислуга — есть что-то, что тебя не устраивает и что надо изменить?

Стоило Цянь Сюю заговорить об этом, как Цзинь Цюэ будто что-то вспомнил, и голос сам собой стал тише и грустнее.

— Нет. Всё хорошо.

Теперь Цянь Сюй ещё сильнее убедился, что что-то случилось. Только что Цзинь Цюэ явно делал вид, будто всё нормально. Голос маленькой канарейки звучал слишком уж обиженно.

Он мягко стал его успокаивать:

— Сяо Цюэ, если что-то произошло, можешь рассказать мне. Раз я пригласил тебя жить на виллу, значит, должен сделать так, чтобы тебе там было хорошо, а не чтобы тебя обижали.

Сначала Цзинь Цюэ ещё «не хотел» говорить, но под мягкими уговорами Цянь Сюя всё-таки тихо признался:

— Мне кажется, некоторые люди на вилле меня не любят.

Цянь Сюй вспомнил сообщение дяди Чэня и осторожно спросил:

— Фан Дань?

Цзинь Цюэ жалобно промычал «угу», но больше сам ничего добавлять не стал.

У Цянь Сюя сердце разрывалось. Кто вообще такая эта Фан Дань, чтобы не любить Цзинь Цюэ?

Его маленькая канарейка такая милая, такая послушная, а какая-то служанка ещё смеет испытывать неприязнь к хозяину дома.

Цянь Сюй подавил поднимающийся гнев и продолжил мягко:

— Хороший мой, расскажи, что она сделала. Я за тебя разберусь.

После пары ласковых фраз Цзинь Цюэ выложил всё разом.

— Она сказала, что служит тебе, ещё сказала, что я не знаю своего места. Она смотрит на меня сверху вниз, презирает меня. У меня есть доказательство.

Цянь Сюю было одновременно больно, злостно и немного гордо.

Больно — потому что прислуга в его собственном доме унизила Цзинь Цюэ.

Злостно — потому что Фан Дань посмела заявить, будто Цзинь Цюэ не знает своего места. Каково его место — вообще не ей решать.

А гордился он тем, что Цзинь Цюэ догадался сохранить доказательство и умел защищать себя.

— Что за доказательство?

— Запись разговора.

Он специально включил запись, даже ничего монтировать не придётся.

Цянь Сюй подумал и сказал:

— Умница. Я тебе верю. И рад, что ты умеешь себя защитить. Запись мне слушать не нужно. Я сейчас же скажу дяде Чэню, чтобы она ушла. В будущем, если на вилле кто-то станет смотреть на тебя косо, просто увольняй его.

— А? — Цзинь Цюэ едва не умер от счастья, но всё же сдержанно спросил: — Так можно? Помоему, у меня нет права увольнять людей отсюда.

— Есть, — совершенно уверенно ответил Цянь Сюй. — Формально ты тоже хозяин виллы. У тебя есть право выгонять их.

Цзинь Цюэ был невероятно доволен ответом. Он всего лишь хотел, чтобы Цянь Сюй за него вступился и пожалел его, а получил ещё и неожиданный бонус.

Успокоив Цзинь Цюэ, Цянь Сюй напоследок спросил:

— Теперь повеселел?

Цзинь Цюэ был не просто немного рад — он был счастлив до невозможности.

Цянь Сюй дал ему привилегию, о которой другие поклонники могли только мечтать и которой им никогда не получить. Разумеется, его радости не было предела.

— Угу, я очень рад. Спасибо, господин Цянь, что вы так хорошо ко мне относитесь.

Слушая его мягкий голос, Цянь Сюй окончательно убедился, что поступил правильно.

— Мне ещё несколько дней до возвращения. На вилле никому не позволяй тебя обижать.

Цзинь Цюэ сам не заметил, как заговорил капризно и ласково:

— Господин Цянь, вы уже несколько раз это говорили. Я помню.

После этого напоминания Цянь Сюй вдруг осознал, что ведёт себя как тревожный старый отец.

— Если помнишь, почему тогда позволил Фан Дань тебя обидеть? Как только она такое сказала, надо было сразу велеть ей уйти.

Цзинь Цюэ про себя подумал: да он же не знал, как к этому отнесётся Цянь Сюй! А если бы он приказал Фан Дань уйти, а её не уволили? Какой позор.

Теперь, когда позиция Цянь Сюя ясна, в следующий раз он сразу выгонит любого, кто посмеет что-то ему сказать.

— Теперь я точно понял. Господин Цянь, не волнуйтесь и работайте спокойно.

Не желая мешать Цянь Сюю отдыхать, Цзинь Цюэ сам сказал:

— Господин Цянь, уже поздно. Идите примите душ и отдохайте, я больше не буду отвлекать.

Цянь Сюй тоже хотел поскорее закончить дела здесь и вернуться, поэтому согласился и попрощался.

После звонка у Цянь Сюя перед глазами всё время вставала картина: вечером Цзинь Цюэ лежит на его кровати. Потом мысли ушли и в гораздо менее невинную сторону.

Он отложил телефон, схватил пижаму и быстро ушёл в ванную. Вышел только больше чем через час.

Цзинь Цюэ тем временем смотрел на телефон и глупо улыбался. Цянь Сюй так хорошо к нему относился — как же его не любить?

□Маленькая канарейка: Господин Цянь, ложитесь отдыхать пораньше.□

Отправив сообщение, Цзинь Цюэ стал смотреть работы других художников.

У каждого художника был собственный стиль. Рассматривая чужие рисунки, он мог подмечать

новые приёмы и совершенствовать свою технику.

Цзинь Цюэ не заметил, сколько времени прошло. Только когда глаза начали болеть, он вспомнил посмотреть на часы.

Было уже почти одиннадцать. Он вышел с платформы и перед сном решил ещё раз проверить сообщения.

И увидел от Цянь Сюя одну фразу, которая заставила его удивлённо замереть.

□Муж: Почему больше не называешь меня мужем?□

Цзинь Цюэ не был уверен, действительно ли Цянь Сюй хочет, чтобы он так его называл, или просто поддразнивает.

Но раз уж сам спросил — пожалуйста.

□Маленькая канарейка: Спокойной ночи, муж~□

□Маленькая канарейка: Чмок-чмок~□

□Маленькая канарейка: □ (๖^з(^□^с)□

Отправив эти сообщения, Цзинь Цюэ почувствовал невероятную сладость на душе. Даже отложив телефон, он ещё долго сидел и глупо улыбался.

Он заметил, что в последнее время стал улыбаться вот так всё чаще.

А Цянь Сюй, получив его сообщения, снова ушёл в ванную и лёг спать только после полуночи.

Во сне они с Цзинь Цюэ снова сладко встречались. А что произошло дальше, можно не уточнять: когда чувства достигают нужной глубины, возможно всё.

На следующее утро, проснувшись, Цянь Сюй с безмолвным отчаянием уставился в потолок.

Он ведь знает Цзинь Цюэ всего несколько дней, а подобное происходит уже второй раз.

Смирившись, Цянь Сюй пошёл в душ, а потом написал дяде Чэню: выдать Фан Дань зарплату за этот месяц и уволить её.

<http://bllate.org/book/24967/3125824>